Глава 93: Возвращение в резиденцию Чэнь

Вся колонна находилась в центре шума и хаоса, сосредоточенного в голове колонны. Чэнь Жун огляделся. Повозка прислуги была удалена от основного скопления народа.Кому та прислуга нужна, пока не позовут? Видя, что никто не обращает в эту сторону никакого внимания, он спрыгнул с повозки и протиснулся в толпу.

Он проворно и легко скользил среди толпы, а выбравшись оттуда, побежал в сторону резиденции Чэнь, подобрав юбки. На него вновь не обратили внимания, поскольку господа отсылали слуг с известиями знакомым и родственникам.

Все взгляды были прикованы к сопровождению Ван Хуна. Чэнь Жун же невидимкой, под личиной обслуги, направился в противоположную сторону. Идти было легко, и вскоре он добрался до Южной Улицы.

Здесь все было необычайно тихо и даже безлюдно. Горожане спешили насладиться бесплатным спектаклем.

Глядя на знакомую улицу, Чэнь Жун, едва избежавший смерти, огляделся. Все было так знакомо и прекрасно. Даже пыль на дороге.

Пройдя мимо нескольких закрытых магазинов, принадлежащих семье Чэнь, торговать особенно было нечем. Давно караваны не приходили в город. А большинство товаров Чэнь были привозными. В мирное время карваны Чэнь колесили по всей империи, благодаря достаточной разветвленности рода. Дома и лавки Чэнь были почти в каждом крупном городе. Клан часто не просто возил свои товары а и организовывал караваны разных торговцев под свои нужды. Но сейчас война многое поломала.

Он издалека увидел, что одна лавка в удалении оказалась широко открытой. Это был магазин румян и пудры – кометики по-нашему. Повсюду на его фасаде висели цветные вуали, больше розовые, в раскрытые окна и двери были видны ярко раскрашенные в красный прилавки. Все выглядело безупречным и даже богатым, согласно требованиям этого времени.

Чэнь Жун быстро вошел. Насколько он помнил, эта лавка принадлежала ему, будучи купленной среди прочей недвижимости. Именно сюда он отправил нянюшку после ее изгнания из поместья.

Лавку охранял высокий худощавый молодой слуга лет двадцати семи-двадцати восьми – тоже из его людей, прибывших с ним из Пинга. При виде Чэнь Жуна, подошедшего к двери, он поспешно приветствовал, как он считал, девушку-служанку, и с вежливой улыбкой произнес:

— Милостивая государыня…

В этот момент Чэнь Жун приоткрыл свою вуаль, показав свое лицо.

— Господин, господин, — воскликнул слуга, ненадолго замерев, сраженный красотой и узнаванием.

— Это я, не нужно так волноваться, — с улыбкой сказал Женя, глядя на него.

Молодой слуга вытер влажные уголки глаз рукавом и дрожащим голосом произнес:

— Мы волновались день и ночь, и новости, приходящие из города Мо'яна, становились хуже день ото дня, и мы действительно боялись за Вас.

— Где Матушка Пинь? Ей уже можно показаться, — небрежно кивнув ему, спросил нетерпеливо он.

— Да, да. Я пойду и позову ее, — поспешно сказал молодой слуга.

Чэнь Жун махнул ему рукой, разглядывая интерьер лавки.

Здание лавки было не маленьким, с двумя складскими помещениями внутри строения, и одним – традиционно небольшим залом для клиентов. На втором этаже располагались жилые комнаты для хозяев лавки. Чэнь Жун вошел внутрь и рухнул на стул у прилавка, так как он остался один, и за изысканностью движений можно было не следить. Усталость брала свое.

Усевшись, он огляделся вокруг, разглядывая обстановку лавки. Она была вполне типичной для этого времени: столик для ожидающих клиентов с напитками, полки с горшочками разных снадобий, подписанных иероглифами, талисманы, веера, фонари, саше, шарфы и его печати – развешанные по стенам. Всего понемногу, хотя принадлежности для дам превалировали над остальным. С балок свисали вуали, по углам стояли ширмы, обеспечивающие уединение клиенткам, желающим выбрать товар. Он сидел за столиком для клиентов, потягивая из пиалы травяной напиток, налитый в кувшин для гостей. Магазин имел изысканное убранство по этим временам, но казался немного запустевшим, и бизнес, похоже, не был процветающим. Как-то он упустил возможность продажи магической косметики. Это следовало обдумать. Выбор румян и пудры был довольно скромным, видно, запасы товара остались от прежнего хозяина. Чэнь Жун полазил по баночкам, даже пробуя их содержимое на вкус и растирая меж пальцев. М-да. Ожидаемо. С этим что-то надо делать.

Хотя по сути - лавка была прикрытием для наполнения складов провиантом. Но все одно его недосмотр – следовало подумать, что еще предложить из косметики жительницам Наньньяна. Для начала следовало разнообразить тона все той же пудры и румян, и сделать их расфасовку поменьше. А тут горшки – сразу едва ли не на год запаса пудры. Да и с подводкой можно поиграть. Тушь для ресниц тут тоже еще не придумали. Нынешнего горшочка хватит не на один месяц – а значит, мало вероятно, что его хозяйка отправится за покупкой новой порции косметики раньше, чем примерно через полгода ее регулярного использования. Он хорошо помнил туалетный столик княгини и все ее требования.

Еще следовало добавить в ассортимент тени и помаду, сейчас для губ использовались все те же жирные румяна. Еще добавить схемы нанесения косметики на лица разных типов. Самыми постоянными клиентками косметических лавок сейчас были куртизанки и артисты. Они красились много и вульгарно. Так сказать – профессия обязывала. Для знатных дам подобное было недоступно, в среде дам любое применение косметики строго регламентировалось. Значит, с этим можно было поиграть. Плюс – магические эффекты.

Как раз в тот момент, когда он задумался, послышались торопливые шаги. В мгновение ока в лавку ворвалась Матушка Пинь. Как только она увидела Чэнь Жуна, ее глаза покраснели и по лицу ручьем потекли слезы.

Матушка Пинь закрыла лицо руками. Когда она увидела, что Чэнь Жун встал, чтобы обнять ее, она отступила.

Она с грохотом упала на колени перед Чэнь Жуном в глубоком поклоне приветствия и запричитала:

— Зная, что город Мо'ян – смертельно опасное место, как туда мог отправиться маленький мальчик, чье место еще на женской половине? Даже если Принц Наньньяна взял бы его, он смог бы жить и мирно состариться. Неужели господин никогда не слышал изречения – лучше живая собака, чем мертвый лев?

Выговорив все это на одном дыхании, она попыталась вздохнуть, но поперхнулась, после чего зарыдала. Поглядев на нее, Чэнь Жун заметил, насколько только за последние несколько дней ее черные волосы покрылись инеем седины.

Тронутый, Чэнь Жун поспешно поддержал ее, и с силой поднял ее на ноги. Как только ее подняли, при виде лица Чэнь Жуна, она снова заплакала.

Матушка Пинь проплакала четверть часа, прежде чем остановилась под нетерпеливыми призывами Чэнь Жуна успокоиться.

— После того, как я ушел, было ли что-нибудь необычное в резиденции Чэнь? — спросил он поспешно, после того, как они сели рядом.

Матушка Пинь достала платок, и, вытерев слезы, хрипло сказала:

— Там не было ничего необычного, но я слышала, что Ваш дядя вышел из себя, сказав: "Как этот мальчишка посмел ничего не сообщить семье об отъезде", и что тебе придется преклонить колени в храме предков, по возвращении. Даже твои сестры на банкете говорили, что ты мог сбежать с деньгами и продуктами. Однако после того как Ваш дядя послал кого-то проверить ваши вещи и хранилища, все слуги сказали, что вы не взяли никаких средств и, что Ваши вещи тоже не пропали. Все слуги в один голос говорили, что вы отправились в монастырь в холмах Наньньяна, чтобы спросить совета у Неба.

Подобное было распространено в кругу старой аристократии. Это не было принято осуждать, считалось, что Небо могло позвать любого для «отчета» или получения откровений. Периодически аристократы отправлялись в монастыри на богомолье целыми семьями. На его памяти сам Чэнь Юань в его детстве проезжал через их город, следуя в северный монастырь с семьей. И война еще не причина отказа от подобной традиции. С Небом – как источником Силы, не будет связываться ни один захватчик. Другое дело, что дорога к монастырю может быть опасна, и в самом монастыре, будучи паломником, а не монахом, находиться можно ограниченное время.

А у Чэнь Жуна уже была слава угодного Небу юноши, его подарок редких свитков храму Пинга был известен. Так что у него было серьезное оправдание.

Поэтому Чэнь Юань не мог его осуждать, если подтвердится цель поездки. Это было благочестивым актом. Если бы он не был несовершеннолетним, то никто бы ему и слова не сказал за подобную отлучку, но и так ему было должно просто предупредить старейшин. Поскольку – он был сейчас главой своей ветви, как единственный представитель Чэнь из Пинга, то теоретически мог и сам принять подобное решение.

Чэнь Жун вздохнул с облегчением. Слуги поддержали выданную им легенду, а правду знали только участники.

— Идем со мной в поместье Чэнь, — сказал он своей няне, беря ее за руку.

— Меня выгнали, господин, — произнесла та, широко раскрыв глаза.

— Это не имеет значения. Я скажу, что ты была верна мне во время моего путешествия, спасла мне жизнь, и я забираю тебя обратно, — сказал Чэнь Жун, нахмурившись, а затем, усмехнувшись, добавил: — В худшем случае я объявлю перед всеми, что все твои расходы я возьму на себя я, и гарантирую, что не потрачу и половины зерна семейного риса.

Матушка Пинь склонила голову и задумалась над тем, насколько правдоподобны его слова.

— Нянюшка, у тебя есть для меня какая-нибудь подобающая дорожная одежда? Уже поздно. Мы возвращаемся в резиденцию Чэнь, — нетерпеливо приказал он, разводя руки и показывая, в чем сейчас одет.

— Да, да, — кивая, повторила она несколько раз. — Когда меня в тот день выгнали, я взяла на память два комплекта старых ханьфу, которые господин часто носил на севере. Я сейчас же принесу одно из них.

Вскоре она принесла ему одежду. Та была маловата, но многие ее видели ранее.

Пока Чэнь Жун переодевался, Старый Шен тихо подъехал к лавке на его экипаже.

Евнуху удалось под шумок оторваться от колонны. Затем их пассажиры высадились у одного из городских домов и выгрузили свой багаж. Оставив один сундук, якобы принадлежащий Чэнь Жуну. Когда слуга воспротивился подобному, то гость сказал - что содержимое этого сундука — это оговоренная плата за провоз его знакомого странника и его же лечение. На это старик Шен уже не знал, что сказать, и решился оставить сундук. После чего потихоньку с евнухами отправился в сторону поместья Чэнь. Те, увидев, что молодой господин нашелся, стегнули лошадей и умчались вперед. Следовало подготовить сарай. Куда можно сразу спрятать для ремонта изуродованную в дороге повозку.

Няня, Старик Шен и Чэнь Жун сели в опустевшую повозку и отправились в поместье Чэнь. Поместья родовых домов были не маленькими – считай, был огорожен целый городской район – внутри он имел свои дороги меж дворами - более крупными – с квартал, где были дворы членов семей, слуг, гаремов, мастерские и непременные сады. И более мелкими, для менее ценных членов рода – ближе к окраинам. Там же были и гостевые дворы – предназначенные для гостящей родни, такой как раз и занимал Чэнь Юань. Двор принца, в котором довелось побывать Чэнь Жуну, был фактически городом в городе, едва ли меньшим по площади, чем остальная застройка внутри крепостных стен.

Чтобы попасть во двор Чэнь Юаня, надо было проехать по окружной дороге - считай через все поместье. Ну, или войти сразу в боковые - рабочие ворота. Но на городскую улицу выходили только центральные ворота. Остальные были в переулках – подальше от глаз горожан. И одна из сторон всего поместья упиралась в лесистый склон холма.

У главных ворот поместья Чэнь слуги входили и выходили, то один, то другой, поглядывая в направлении северных городских ворот. Среди обычной болтовни все они спрашивали:

— Интересно, пройдет ли колонна Ван Цилана этим путем?

— Конечно, так и будет. Смотри, несколько Мастеров пошли его встречать.

— Разве Принц Наньньяна не устроил в его честь банкет в своем особняке?

— Конечно, нет. Организация достойного банкета требует времени. Наверняка это будет роскошный праздник!

— Если так, то почему у Северных Ворот до сих пор так много народу?

Ну и дальше в подобном стиле и духе.

— Войдем через боковые ворота, — сказал среди хаоса криков и болтовни Чэнь Жун Старому Шену, понаблюдав и послушав сплетни,

Старый Шен понял, что он имел в виду, и направил экипаж к отдаленным боковым воротам, к

которым свита Ван Цилана никогда не приблизится, даже если будет следовать мимо их поместья.

Конечно же, боковые ворота поместья оказались пусты, и появление Чэнь Жуна только встревожило нескольких привратников и охранников поместья.

Когда шицзюй проезжала мимо двора Чэнь Вэй, двор был пуст. Та, вероятно, отправилась посмотреть на городской шум и суету к центральным воротам, равно как и вся прислуга.

Во дворе Чэнь Жуна стояла тишина, так как их мастер отсутствовал. При виде внезапно вернувшегося Чэнь Жуна, слуги, один за другим, просияли от восторга. Столпившись вокруг него, они начали задавать ему вопросы.

Чэнь Жун никому не ответил, и, отмахнувшись от толпы, вернулся в дом, чтобы первым делом принять ванну и переодеться. Отмокнув в фурако, среди лепестков, маскировавших аромат добавленной «эссенции красоты» и эликсира мышечного комфорта, более получаса, он омылся, затем лениво встал и переоделся в новое светло-зеленое ханьфу. Служанка заботливо расчесала его волосы, погружая Женю в приятную негу. Измученное дорогой и всеми испытаниями тело требовало отдыха и медитации. Но тем не менее настроение было спокойное и благодушное.

Когда он, наконец, высушив волосы и прибрав их с помощью служанок, выбрался во двор, там неожиданно оказалось уже шумно: звуки смеха и веселья, доносились с соседнего двора, принадлежащего Чэнь Вэй.

Немного смущенная Матушка Пинь тут же подала чай в беседку, увидев приближающегося к ней Чэнь Жуна, поспешно приветствовала его поклоном и спросила:

— Вы направляетесь на встречу к Мастеру Чэнь?

— Ну, рано или поздно мне придется это сделать, — сказал он, отпивая чай и задумавшись, а затем немного нахмурился. — Поскольку я не могу этого избежать, надо пойти сразу, — по его прикидкам, теперь, когда весть о благополучном возвращении Ван Цилана ворвалась в город, Чэнь Юань и Дама Жуань не станут слишком сильно его наказывать за самовольный отъезд якобы в монастырь.

К счастью, отчитываться и рассказывать о том, какую информацию он мог получить в монастыре, считается неэтичным. Все небесные откровения – строго персональные и индивидуальные. Паломник, конечно, может поделиться полученными откровениями неба. Но может и не сказать ни слова. В его случае, естественно, лучше молчать.

— Что, А Жун вернулся? — услышал он удивленный возглас Чэнь Вэй, когда вышел из беседки. Оставалось только возвести вверх глаза. Ну, куда же без сестриц-то?

После ее возгласа за изгородью послышался топот, и в мгновение ока семь или восемь головок просунулись в ворота внутреннего двора Чэнь Жуна из-за своей изгороди. Вот же курицы!

Как только юные нюйши Чэнь вернулись после приветствия Ван Хуна, они услышали от слуг новость о возвращении Чэнь Жуна. Любопытные и удивленные, они ворвались внутрь, едва его увидев.

— А Жун приветствует сестер, — поклонившись им, поприветствовал он заглядывающих к нему девушек. Не дожидаясь вопроса Чэнь Ци, он опустил голову и нервно сказал, — Я как раз собирался посетить дядю и попросить у него прощения.

— Идем вместе, — сказала Чэнь Ци, после этих его слов.

— Моего отца здесь нет. Он помогает Ван Цилану смыть с себя пыль, — самодовольно сказала Чэнь Вэй, стоящая позади них.

Как же, Юань присоединился к кавалькаде приветствовавших Цилана, и с прочими учеными мужами отправился проводить его до поместья и испить там чая. Что сказать – важное мероприятие. И конечно чай перейдет в более серьезное застолье уже с музыкантами и танцовщицами… а там глядишь и утро…

— Это было бы то же самое, если я поприветствую свою тетю, — почтительно сказал он со все еще склоненной головой.

— Сходишь позже, — нетерпеливо сказала Чэнь Ци, уже врываясь к нему во двор. Не останавливаясь, он шла, пока не оказалась перед Чэнь Жуном.

— А Жун, почему ты вернулся? — вдруг спросила Чэнь Ци, оглядев Чэнь Жуна долгим оценивающим взглядом. И поджала губы. Почему А Вэй так везет? Определенно стоило поговорить с отцом. Почему опеку над красавчиком самовольно захватил дядюшка? У главной ветви прав куда больше!

Чэнь Жун знал, что на самом деле та имела в виду: "Как так получилось, что ты вернулся в то же время, что и Ван Цилан?"

Глаза Чэнь Жуна вдруг ярко засияли, когда он поднял голову и поспешно сказал сестрам:

— Я слышал, что сегодня вернулся Ван Цилан. Вернулся ли он целым и невредимым? Улицы так переполнены, мы долго не могли добраться до поместья из-за толпы. Вы тоже его приветствовали? Это потрясающе. Ах.

Его тон и выражение лица были действительно счастливыми и ожидающими, можно даже было заметить смутное сожаление, что он не видел Ван Цилана. Когда девушки увидели это

выражение, они невольно переглянулись.

Только сейчас, когда они услышали, что Чэнь Жун вернулся, их первой мыслью было: "Почему он вернулся в то же время, что и Ван Цилан?"

Но, глядя на его лицо, неужели это все же совпадение?

В этот момент Чэнь Жун посмотрел на улицу и тихо пробормотал:

— В месте, подобном Мо'яну, он, наверное, и правда страдал. Говорили, что город был окружен многотысячной армией Ху, и туда невозможно было пробиться. Я думал, что больше никогда его больше не увижу. Потому и отправился в монастырь за утешением. Мне надо было определиться в своем пути.

Сказанное им, кое-что напомнило девушкам. Верно, город Мо'ян – смертельно опасное место. Чэнь Жун ведь не сумасшедший, даже если бы он хотел встретиться со своим любовником наедине, ему пришлось бы уйти, пока там было безопасно. Похоже, это действительно совпадение. А вот поездка в монастырь вероятно имела своей целью желание стать монахом, из-за расставания с ВанХуном. Потому кузен и сбежал молча. Но раз вернулся, Небо решило, что ему еще рано уходить в служение. Ах-ах-ах…

Сообразив это, девушки снова распалились.

Подбежала Чэнь Вэй, она обошла вокруг Чэнь Жуна и рассмеялась:

— А Жун, ты не только похудел, но и потемнел. Кажется, что если Цилан захочет тебя увидеть, тебе придется нанести пудру.

Когда она сказала это, ее взгляд метнулся к Матушке Пинь и она воскликнула:

— Почему ты, старая служанка, все еще здесь?

Как только она произнесла эти слова, сзади раздался несчастный голос Чэнь Жуна:

— По дороге в монастырь я встретил беженцев, и среди них стояла Матушка Пинь. К счастью, я ехал мимо. Если бы я ее не увидел, я действительно не знаю, что бы с ней и со мной случилось. А Вэй, она верная служанка, которая спасла мне жизнь, поэтому я забрал ее обратно.

Он вскинул глаза вверх. Из чего все дружно сделали вывод, что на то была воля Неба. Которая, как известно не обсуждается. Вообще, все происходящее во время паломничества по дороге в монастырь и оттуда считалось не случайным - знаками Неба и советами предков. Многие семьи даже вели специальные записи, чтобы позже все проанализировать со знающими людьми. Чэнь

Жун конечно не столь опытный, но уж столь явные знаки не мог не прочесть. Ведь по слухам – он имел дар предвидеть!

— Даже если мой дядя захочет избить или убить ее, я оставлю ее при себе, — сказал он упрямо, выдержав впечатляющую паузу, чтобы девушки сделали соответственные и нужные ему выводы.

— Она преданно спасла тебя, и ты забрал ее, чтобы вознаградить за доброту, отец наверняка не станет возражать,— голос Чэнь Вэй звучал немного недовольно, и она была ошеломлена его словами. А Жун, прекрасно понимал, что, поскольку служанка спасла его, отец позволит ей остаться, он также сказал, что ее отец может захотеть "избить или убить ее", заставляя того казаться бессердечным и несправедливым.

Когда Чэнь Вэй капризно надула губы, Чэнь Ци повернулась к Чэнь Жуну и неожиданно улыбнулась ему.

Ее улыбка была очень странной. Сначала это застало девушек врасплох, но в следующий момент они посмотрели на Чэнь Жуна с подобной улыбкой.

Чэнь Вэй не оказалась исключением. Она прикрыла рот рукавом, прищурилась и сочувственно произнесла:

— А Жун, есть один момент... Ты должен держаться.

Когда ее голос стих, Чэнь Ци неподалеку презрительно отозвалась:

— Он? С его статусом Цилан с ним просто развлекался. Об этом не может быть и речи, как бы он ему ни нравился. А Вэй, говорить ему «держаться» просто неприлично. Кроме того, мужчина должен держать лицо. Даже если Цилан действительно помолвлен с другой, он должен быть за него рад.

После того, как девушки вдоволь насмеялись над ошеломленными, смущенными и встревоженными глазами Чэнь Жуна, после чего Чэнь Мяо произнесла первой:

— А Жун, на этот раз твой Цилан привез из МоЯна своё "сокровище". Тц, тц, ты даже не знаешь, когда твой Цилан завел себе любимого, он произносил слово "цинцин" так нежно и страстно.

Несколько раз тсыкнув, ее глаза наполнились сочувствием. Но в ее голосе звучала ревность к "сокровищу", которое она никогда не встречала.

Лицо Чэнь Жуна осталось неподвижным.

Он моргнул и медленно опустил голову. Немного помолчав, он отступил назад и повернулся спиной к девушкам.

— Спасибо, сестры, за то, что сказали. А Жун знает, кто он такой.

Произнес он почти шепотом.

Насмешка в том, как девушки смотрели на него, усилилась.

— А Жун, ты прав, кто ты, по сути, такой? — подошла к нему сзади Чэнь Цянь, — А какова личность Ван Цилана? Это правда. Мне очень жаль, но весь мир потребовал бы, чтобы ты не смел пятнать его имя.

— Верно, А Жун, не грусти. Ты ему не ровня, не теряйся в глупых мечтах.

Голос был нежным, от дочери наложницы того же отца, что и Чэнь Мяо.

— А Жун, не думай об этом, — коварно успокаивала его Чэнь Вэй, — Он не тот человек, о котором ты можешь думать

С нежной улыбкой, она успокаивающе взяла Чэнь Жуна за руку. Глядя на него, она про себя подумала: "Каждый раз, когда я его раздражаю и вижу, как он при этом грустит, я не могу не сочувствовать ему. Но мне это на руку. Я хочу, чтобы он стал наложником генерала. Я не хочу отпускать его."

Чэнь Жун вырвался из ее рук и с горькой улыбкой покачал головой, отчего его шелковистые черные волосы растрепались. Чэнь Жун поклонился сестрам и с опущенной головой произнес:

— Большое вам спасибо, сестры, А Вэй. А Жун и правда не грустит.

Он сказал, что не грустит, но опустил голову и ссутулил плечи. Все его тело, казалось лишенным энергии и вялым.

Глаза девушек становились все более и более сочувственными.

— Сестры, А Жун уехал в монастырь, не попрощавшись, и заставил старейшин волноваться. Теперь, когда он вернулся, он должен признаться в своей вине, — снова склонил голову Чэнь Жун.

С этими словами он повернулся и неуверенно пошел вперед, Матушка Пинь поспешно последовала за ним.

— Давайте тоже сходим, — сказала вдруг Чэнь Сяо, — А Вэй, пойди и скажи своей матери, что А Жун много страдал. Скажи своей матери, чтобы пока не наказывала его.

Но даже после того, как она закончила свою фразу, Чэнь Вэй осталась стоять на том же месте с напряженным выражением лица.

— А Вэй, я с тобой разговариваю, разве ты не слышала?

— Да, да, — ответила та с горьким выражением лица. Она тоже повернулась и последовала за Чэнь Жуном.

Она совсем не была уверена, что ее слова будут что-то значить. Другое дело слова Чэнь Ци, законной дочери прямой линии. Но и ослушаться она не могла. Статус Чэнь Ци был куда выше.

Через некоторое время Чэнь Жун появился во дворе дома Дамы Жуань.

Дама Ли стояла позади дамы Жуань. Она оглядела замершего в почтительном поклоне Чэнь Жуна острым взглядом.

— О, а кто же наш почетный гость? — спросила она резким голосом.

Ее высокий голос сразу же привлек всеобщее внимание, и Дама Жуань и служанки одновременно подняли головы, чтобы взглянуть на Чэнь Жуна.

Тонкие брови дамы Ли приподнялись. С ухмылкой она шагнула вперед, покачивая бедрами.

— Ох? Наш почетный гость прибыл, но все еще не преклонил колен?

Слова слетели с ее губ, но Чэнь Жун не пошевелился. В теплом голосе Дамы Жуань послышалось нетерпение.

— Неужели маленький мальчик действительно закрывает глаза на жену своего дяди?

Чэнь Жун вздохнул и встал на колени в глубоком почтительном приветствии коснувшись лбом пола меж сложенных впереди рук.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36143